

Каникулы в Лимстоке

Автор:

[Агата Кристи](#)

Каникулы в Лимстоке

Агата Кристи

Мисс Марпл

Где еще после госпиталя отдохнуть летчику, выжившему в авиакатастрофе, как не в маленькой, тихой деревеньке вдали от цивилизации? Но покой ему только снился – приходят анонимные письма, по деревне прокатывается серия загадочных убийств. Распутать клубок событий способна лишь гениальная мисс Марпл!

Агата Кристи

Каникулы в Лимстоке

Глава 1

Я часто вспоминаю то утро, когда пришло первое анонимное письмо.

Его принесли перед завтраком. Я лениво перевернул его, как это делают, когда время течет медленно и любое событие приобретает значение. Это было, как я обнаружил, «местное» письмо с отпечатанным на машинке адресом. Я вскрыл его первым, отложив пару писем с лондонскими штемпелями, поскольку в одном из них явно был счет, а на другом я узнал почерк одной из моих наискучнееших кузин.

Теперь странно вспоминать, что Джоанну и меня это письмо только развлекло. У нас и мысли не возникло, что с ним придут кровь и насилие, недоверие и страх.

Просто невозможно связать такого рода вещи с Лимстоком.

Я вижу, я неверно начал. Я не объяснил, что такое Лимсток.

После авиакатастрофы, в которую я угодил, долгое время я был уверен, вопреки утешительным словам врачей и сиделок, что приговорен к тому, чтобы всю оставшуюся жизнь провести в инвалидной коляске. Но в конце концов меня извлекли из гипса, и я начал осторожно учиться пользоваться своим телом, а затем Маркус Кент, мой врач, хлопнул меня по спине и заявил, что все в порядке, но я должен поехать в деревню и по крайней мере полгода вести растительную жизнь.

– Найдите такую часть света, где у вас нет никаких друзей. Удержите от всего, интересуйтесь местной политикой, деревенскими сплетнями, поглощайте все местные скандалы. И немножко пива – вот предписание для вас. Абсолютный покой и тишина.

Покой и тишина! Смешно об этом думать теперь.

Итак, Лимсток – и вилла «Литтл Фюрц».

Лимсток был большим городом во времена завоевания норманнов. В двадцатом же веке это было место незначительное во всех отношениях. Лимсток расположился в трех милях от железнодорожной магистрали – крохотный провинциальный городок, почти деревня, в котором часто устраивались базары; городок, окруженный бесконечными вересковыми пустошами. Вилла «Литтл Фюрц» располагалась на холме, у дороги, уходящей в вереск. Это был чопорный, унылый дом с покосившейся викторианской верандой блекло-зеленого цвета.

Моя сестра Джоанна, едва завидя его, решила, что это идеальное место для выздоравливающего. Владелица дома была под стать ему – очаровательная маленькая старая леди, невообразимо викторианская. Она объяснила Джоанне, что ей бы и не приснилось такое – сдавать дом, но все так изменилось в нынешние времена... И эти ужасные налоги!

Итак, все было улажено, и договор подписан, и должным образом Джоанна и я прибыли и обосновались в доме. Сама же мисс Эмили Бэртон перебралась в Лимсток, в комнаты, которые содержала ее бывшая горничная («моя преданная Флоренс»), оставив нас под присмотром нынешней горничной мисс Бэртон – Патридж, мрачной, но весьма квалифицированной личности, которой помогала приходящая «девушка».

Через несколько дней после того, как мы поселились в «Литтл Фюрц», Лимсток начал наносить торжественные визиты. Каждый в Лимстоке имел какой-то свой отличительный признак, и все семьи выглядели «вполне счастливыми», как сказала Джоанна. Это были: мистер Симмингтон, адвокат, тонкий и сухой, с раздражительной, любящей бридж женой; доктор Гриффитс, мрачный, меланхолический врач, и его сестра – большая и радушная; викарий, образованный, забывчивый пожилой человек, и его жена – с энергичным лицом и блуждающим взглядом; богатый дилетант мистер Пай из виллы «Прайорз Лодж»; и наконец, мисс Эмили Бэртон собственной персоной, безупречная деревенская старая дева.

Джоанна дотрагивалась до карт с чем-то похожим на благоговейный трепет.

– Я не знала, – как-то сказала она голосом, полным непонимания, – что есть люди, которые действительно приходят в гости, чтобы играть в карты!

– Это потому, – объяснил я, – что ты ничего не знаешь о деревне.

Моя сестра Джоанна очень хорошенькая и очень веселая, она обожает танцы и коктейли, любовные романы и гонки на скоростных автомобилях. Она – законченная горожанка.

– Во всяком случае, – заявила Джоанна, – я смотрюсь в деревне неплохо.

Я критически оглядел ее и не счел возможным согласиться.

– Нет, – сказал я, – ты одета неправильно. Ты должна носить старую причудливую твидовую юбку с хорошеньким кашемировым джемпером, подобрал их под пару... но, может быть, предпочтительнее мешковатое вязаное пальто... И ты должна надеть фетровую шляпу и толстые чулки, и еще – старые,

хорошо разношенные уличные ботинки. И лицо у тебя неправильное, – добавил я.

– Что в нем неправильного?! Я наложила «деревенский тон номер два»!

– Вот именно, – сказал я. – А если бы ты жила здесь, ты бы лишь чуть-чуть пудрилась, не высовывая носа на солнце, и ты, конечно же, носила бы свои брови целиком, вместо того чтобы оставлять от них четверть.

Джоанна рассмеялась и сказала, что переезд в деревню обещает новые впечатления и она намерена всем наслаждаться.

– Боюсь, ты будешь ужасно скучать, – предположил я, испытывая угрызения совести.

– Нет, не буду. Я сыта по горло всеми моими компаниями, и хотя ты не желаешь мне сочувствовать, я действительно была очень огорчена из-за Пауля. Теперь у меня будет время все забыть.

Я отнесся к сказанному скептически. Любовные истории Джоанны всегда двигались по одному и тому же пути. Она влюблялась сумасшедшим образом в какого-нибудь совершенно бесхарактерного молодого человека, непризнанного гения. Она выслушивала его бесконечные жалобы и делала все, чтобы его заметили. Затем, когда он оказывался неблагодарным, она бывала глубоко ранена и утверждала, что ее сердце разбито, – до тех пор, пока не появлялся очередной унылый молодой человек, что обычно случалось недельки через три.

Я не слишком серьезно относился к разбитому сердцу Джоанны, но видел, что жизнь в деревне – нечто вроде новой забавы для моей милой сестры. Она с интересом предалась веселой игре в нанесение визитов. Мы должным порядком получали приглашения на чай и бридж, принимали их и рассылали ответные приглашения.

Для нас обоих все это было как увлекательная книга – совершенно новая книга!

И, как я уже сказал, когда пришло анонимное письмо, оно всего лишь позабавило меня.

Вскрыв письмо, я минуту или две пребывал в недоумении. Печатные слова, вырезанные из книги и наклеенные на лист бумаги...

В письме в довольно грубых выражениях сообщалось мнение отправителя насчет того, что мы с Джоанной не были братом и сестрой.

- Эй, что это такое? - спросила Джоанна.

- Это очень грязное анонимное письмо, - ответил я.

Я ощутил легкую душевную боль. Кто бы предположил, что подобное может случиться в тихом болоте Лимстока?

Джоанна мгновенно проявила живейший интерес:

- Да ну? И что в этом письме говорится?

Должен заметить, что в романах анонимные письма - грубые, внушающие отвращение - по возможности не показывают дамам. Подразумевается, что дам следует во что бы то ни стало защитить от потрясения, в которое подобное письмо повергнет их нежную нервную систему.

Очень жаль, но я должен сказать, что мне бы и в голову не пришло скрыть письмо от Джоанны. Я немедленно протянул ей лист.

Джоанна подтвердила мою веру в нее тем, что не проявила никаких чувств, кроме веселого удивления.

- Какая жуткая гадость! Я слыхала об анонимных письмах, но мне никогда не приходилось их видеть. Они что, все такие?

- Не могу сказать, - ответил я. - Для меня это тоже впервые.

Джоанна захихикала.

– Похоже, ты был прав, говоря о моей косметике, Джерри. Наверное, они тут решили, что я просто обязана быть распутной женщиной!

– К тому же, – сказал я, – нужно учесть тот факт, что наш отец был высоким смуглым человеком с длинным худым лицом, а наша матушка – очаровательное маленькое создание, голубоглазое, с прекрасными волосами, и что я похож на отца, а ты – на маму.

Джоанна задумчиво кивнула.

– Да, мы ничуть не похожи. Никто и не подумает, что мы брат и сестра.

– Кто-то и не подумал, – сказал я с чувством.

Джоанна заявила, что она считает все это просто забавным. Она помахала письмом, держа его осторожно за уголок, и спросила, что мы с этим сделаем.

– Я полагаю, будет наиболее верным, – предложил я, – сунуть его в огонь, энергично выразив свое отвращение.

Я подкрепил свои слова действием, и Джоанна заплодировала.

– Ты это проделал великолепно, – сказала она. – Тебе просто необходимо пойти на сцену. Какое счастье, что у нас все еще есть огонь, правда?

– Корзинка для бумаг не была бы столь драматична, – согласился я. – Хотя, конечно, я мог поджечь листок спичкой и понаблюдать, как он медленно сгорает.

– Когда тебе нужно что-то сжечь, оно ни за что не загорается, – сказала Джоанна. – Оно гаснет. Тебе наверняка пришлось бы чиркать спичку за спичкой.

Она встала и подошла к окну. Потом, стоя там, вдруг резко обернулась.

– Удивляюсь, – сказала она, – кто мог написать такое?

– Вероятно, мы никогда этого не узнаем, – предположил я.

– Я тоже так думаю. – Она помолчала немного и продолжила: – И тем не менее, не знаю уж почему, мне все это кажется забавным. Видишь ли, я думала, они... я думала, нас здесь любят.

– Так оно и есть, – сказал я. – Просто тут живет какой-то наполовину свихнувшийся тип.

– Надеюсь, что это так. Фу, гадко!

Джоанна ушла наружу, на солнышко, а я, закуривая положенную после завтрака сигарету, решил, что сестра права. Это действительно гадко. Кого-то возмутил наш приезд сюда... кого-то возмутила юная, яркая красота Джоанны... кто-то хотел причинить боль. Возможно, лучшим выходом было посмеяться над всем этим.

Тем утром к нам зашел доктор Гриффитс. Я договорился с ним о еженедельных осмотрах. Мне нравился Оуэн Гриффитс. Он был смуглый, нескладный, с неловкими манерами и мягкими, искусными руками. Говорил он отрывисто и был слегка застенчив:

– Вы не хуже чувствуете себя сегодня, а? Или это мое воображение, или с утра на вас немножко действует погода.

– Не то, – сказал я. – Вместе с утренним кофе пришло довольно грубое анонимное письмо, и оно оставило достаточно гадкий привкус во рту.

Доктор уронил свой портфель на пол. На его тощем, темном лице отразилось возбуждение.

– Вы хотите сказать, что и вы получили одно из них?

Я заинтересовался:

– А что, здесь такое случается?

- Да. С некоторых пор.

- О, - сказал я, - понятно. А я-то решил, что лишь присутствие столь странных личностей, как мы, вызвало чье-то негодование.

- Нет-нет, ваш приезд ни при чем. Это просто... - Он помолчал и спросил: - О чем там говорилось? По крайней мере... - Он внезапно покраснел и смутился. - Возможно, я не должен был спрашивать?

- Я с удовольствием отвечу вам, - сказал я. - Там всего лишь сообщалось, что экстравагантная девица, которую я привез с собой, вовсе мне не сестра. И это, добавлю, кратчайшее изложение.

Смуглое лицо доктора налилось гневом.

- Проклятье! Ваша сестра... надеюсь, она не слишком расстроилась?

- Джоанна, - пояснил я, - не очень-то похожа на ангелочка с рождественской елки, она более чем современна и достаточно крепка. Она нашла это в высшей степени забавным. Ей не приходилось прежде сталкиваться с чем-либо подобным.

- Да уж надеюсь, что не приходилось, - сказал Гриффитс.

- И в любом случае, - сказал я уверенно, - здесь ничего не остается, кроме как посмеяться. Как над чем-то чрезвычайно нелепым!

- Да, - сказал Оуэн Гриффитс, - всего лишь...

Он замолчал, и я быстро подхватил:

- Совершенно верно. Всего лишь слова.

- Беда в том, - сказал он, - что такого рода вещи, однажды начавшись, сами по себе не заканчиваются.

– Могу вообразить.

– Безусловно, это патология.

Я кивнул.

– У вас есть какие-нибудь соображения об авторе? – спросил я.

– Нет, лишь желание узнать. Видите ли, причин к сочинению анонимных писем может быть две. Если это единичное письмо – отправленное одному человеку или группе лиц, – то можно сказать, что оно мотивировано. То есть его написал некто, имеющий причины для недовольства (или полагающий, что имеет) и выбирающий грязный, тайный путь к проявлению этого недовольства. Это дурно, и это вызывает отвращение, но такой человек не обязательно сумасшедший, и обычно довольно легко определить автора – уволенный слуга, ревнивая женщина и так далее. Но если это не единичный случай, а принцип действия личности, то это уже куда серьезнее. Письма рассылаются беспорядочно, и они служат одной цели – заменить какие-то разрушенные надежды в воображении пишущего. Как я уже сказал, это, безусловно, патология. И безумие прогрессирует. В конце концов, конечно, автора анонимок выследят и поймут (часто это, кстати, оказывается человек, о котором просто невозможно подумать подобное), и тем все и кончится. Был подобный инцидент, на другом конце графства, в прошлом году – когда уволили заведующую отделом дамских шляп в большом универмаге. Тихая, изысканная женщина, работала там много лет. Я припоминаю несколько случаев и из моей практики. Но это были несчастные, озлобленные, уволенные люди. Однако, как я сказал, я уже видывал подобное, и это, совершенно искренне, пугает меня!

– И давно это продолжается? – спросил я.

– Не знаю точно. Безусловно, это трудно определить, потому что люди, получившие подобные письма, не рекламируют этот факт. Они бросают письма в огонь.

Он помолчал.

– Я тоже получил одно. И Симмингтон, адвокат. И один или двое из моих небогатых пациентов говорили мне об этом.

– И все письма похожи одно на другое?

– О да. Во всех повторяется одна и та же тема секса, это их обычная черта. – Он усмехнулся. – Симмингтона обвинили в преступных отношениях с его служашей, бедной мисс Гинч. А ей по меньшей мере сорок, она носит пенсне, и зубы у нее, как у кролика. Меня обвинили в нарушении профессиональной этики в отношениях с пациентками и усердно налегали на подробности. Эти письма весьма инфантильны и абсурдны, но жутко язвительны. – Лицо доктора стало серьезным. – И тем не менее я напуган. Такие вещи могут быть ужасны, знаете ли.

– Полагаю, что действительно могут.

– Понимаете, – сказал он, – хотя письма грубы и полны детской злобы, рано или поздно одно из них может попасть в цель. А тогда – бог знает, что может случиться! И еще я боюсь влияния анонимок на неповоротливые, подозрительные, невоспитанные умы. Ведь когда они видят нечто написанным, они верят, что это правда. Тут возможны любые осложнения.

– Это было малограмотное письмо, надо сказать, – заметил я задумчиво. – Сочиненное кем-то практически необразованным.

– Так ли это? – сказал Оуэн и ушел.

Раздумывая позже обо всем этом, я нашел докторское «так ли это?» несколько тревожащим.

Я не намерен утверждать, что наша анонимка не оставила гадкого привкуса во рту. Это было. Но в то же время – она скоро забылась. Видите ли, в тот момент я не отнесся к письму всерьез. Думаю, я внушил себе, что подобное случается нередко в глухих провинциальных городках. Причиной тому – истеричные женщины, склонные все драматизировать. Во всяком случае, если все анонимки такие же детские и глупые, как та, что получили мы, вряд ли они принесут много вреда.

Следующий инцидент, если это можно так назвать, произошел неделей позже, когда Патридж, поджав губы, сообщила, что Беатриса, наша приходящая служанка, сегодня не явится.

- Я полагаю, сэр, - сказала Патридж, - у девушки сильное расстройство.

Я не слишком понял, что имеет в виду Патридж, но отметил (ошибочно), что Патридж как бы смакует намек на нечто слишком щекотливое, чтобы сказать об этом прямо. Я ответил, что не вижу в этом ничего страшного и надеюсь, что Беатрисе скоро станет лучше.

- Девушка здорова, - пояснила Патридж. - Но ее чувства в расстройстве.

- О! - произнес я в недоумении.

- Это, - продолжила Патридж, - из-за письма, которое она получила. Насколько я поняла, весьма лживое письмо.

Жесткое выражение глаз Патридж натолкнуло меня на мысль, что ложь в письме относилась ко мне. Поскольку я с трудом узнал бы Беатрису, встретить я ее в городе, и вообще мало догадывался о ее существовании, я почувствовал чудовищную досаду. Инвалид, передвигающийся на двух костылях, очень уж мало годился на роль соблазнителя деревенских девиц.

Я сказал раздраженно:

- Что за чушь!

- То же самое сказала я матери девушки, - доложила Патридж. - Ничего подобного не могло быть в этом доме, сказала я ей, и ничего подобного не будет, пока этот дом под моим присмотром. Что касается Беатрисы, сказала я, то девушки в наши дни очень разные и я ничего не могу сказать о ее поведении где-нибудь в другом месте. Но верно и то, сэр, что приятель Беатрисы, из гаража, тот, с которым она гуляет, тоже получил одно из этих скверных писем. И нельзя сказать, чтобы он отнесся ко всему этому благоразумно.

- В жизни не слышал ничего более нелепого, - сердито сказал я.

– И я того же мнения, сэр, – сообщила Патридж. – И нам лучше бы избавиться от этой девушки. Я ведь что говорю: она бы не получила письма, если бы не было чего-то такого, что она хотела бы скрыть. «Нет дыма без огня» – вот что я сказала.

Я и не догадывался, как сильно надоест мне вскоре эта простенькая фраза.

Тем утром в поисках приключений я решил спуститься в городок. Светило солнце, воздух, прохладный и живительный, был полон весенней прелести. Я собрал свои костыли и отправился, твердо отказавшись от предложения Джоанны сопровождать меня.

Мы договорились, что сестра приедет за мной на автомобиле и привезет обратно на холм к обеду.

– У тебя масса времени уйдет лишь на то, чтобы поздороваться с каждым в Лимстоке.

– Не сомневаюсь, – сказал я, – что меня там ни один не пропустит.

Мне бы не следовало, конечно, – после того, что со мной произошло, – спускаться в городок без сопровождающего. Я прошел около двухсот ярдов, когда услышал позади велосипедный звонок, потом скрип тормоза, а потом Меган Хантер с треском уложила свою машину к моим ногам.

– Привет, – выдохнула она, поднимаясь на ноги и отряхиваясь.

Мне, в общем, нравилась Меган, но я постоянно испытывал перед ней странное чувство вины.

Меган была падчерицей адвоката Симмингтона. Дочь миссис Симмингтон от первого брака. О мистере (или капитане) Хантере старались упоминать пореже, и я сделал вывод, что ему следует быть забытым. О нем ходили слухи, что он очень плохо обращался с миссис Симмингтон. Она развелась с ним через год или два после свадьбы. Миссис Симмингтон была женщиной со средствами, и – вместе со своей маленькой дочкой – поселилась в Лимстоке, «чтобы все забыть»,

и здесь нашла подходящую партию, единственного на все местечко холостяка Ричарда Симмингтона.

От второго брака родились два мальчика, которым родители посвятили себя полностью. И я представлял себе, что Меган, пожалуй, иной раз ощущает себя лишней в доме. Она вовсе не похожа была на мать, маленькую анемичную женщину, совсем поблекшую, которая нежным меланхоличным голосом рассуждала о сложностях обращения с прислугой и о собственном здоровье.

Меган была высокой неуклюжей девушкой, и хотя ей было почти двадцать лет, она куда больше походила на шестнадцатилетнюю школьницу. Меган обладала копной растрепанных каштановых волос, орехово-зелеными глазами, тонким сухим лицом и неожиданно чарующей, чуть кривоватой улыбкой. Одежда ее имела вид скучный и непривлекательный, и не было случая, чтобы на фильдекосовых чулках Меган не оказалось дырок.

Я решил, что этим утром она гораздо больше похожа на лошадь, чем на человеческое существо. Но надо признать, что она была бы симпатичной лошадкой, только очень уж неухоженной.

Меган заговорила как обычно – словно задыхаясь от спешки.

– Я была на ферме – вы знаете, у Лашеров, – чтобы спросить, нет ли у них утиных яиц. А у них куча милых малюсеньких поросят! Прелесть! Вы любите поросят? Я – очень. Мне даже их запах нравится.

– Если свиней хорошо содержать, они не должны бы пахнуть, – предположил я.

– Не должны? Да они же под себя ходят! А вы в город? Я увидела, что вы один, вот и решила остановиться и пойти с вами, только я остановилась слишком уж резко.

– Вы порвали чулки, – сказал я.

Меган печально посмотрела на свою правую ногу.

– Да, действительно. Но там уже есть две дырки, так что это не имеет особого значения, правда?

– Вы что же, Меган, никогда не чините чулки?

– Изредка. Когда мамуля заставляет. Но она не слишком-то ко мне цепляется – так что с этим все в порядке, да?

– Вы, похоже, не понимаете, что вы уже взрослая, – сказал я.

– Вы хотите сказать, что мне бы следовало быть похожей на вашу сестру? Расфуфыренной?

Меня слегка обидело подобное определение Джоанны.

– Она всегда выглядит чистой и аккуратной, и на нее приятно взглянуть, – сказал я.

– Она прехорошенькая, – сказала Меган. – И ничуть на вас не похожа, правда? А почему?

– Братья и сестры не всегда похожи.

– Да. Конечно, я не слишком похожа на Брайана и Колина. И Брайан с Колином друг на друга не очень похожи... – Она помолчала и добавила: – Это очень чудно, правда?

– Что именно?

Меган кратко бросила:

– Семья.

Я произнес глубокомысленно:

– Полагаю, это так.

Хотел бы я знать, что было у нее на уме. Мы шли в молчании минуту или две, потом Меган спросила робко:

- Вы летаете, да?

- Да.

- И из-за этого пострадали?

- Да, я разбился.

Меган сообщила:

- Здесь никто не летает.

- Да, - сказал я, - наверное, это так. Вам нравится летать?

- Мне? - Меган казалась удивленной. - Бог мой, нет. Меня бы тошнило. Меня даже в поезде тошнит.

Она помолчала и затем спросила с той непосредственностью, которая обычно присуща детям:

- А вы поправитесь и будете снова летать или так и останетесь такой вот развалиной?

- Мой врач уверяет, что я буду в полном порядке.

- А он не из тех, кто любит приврать?

- Не думаю, - сказал я. - Я в нем вполне уверен.

- Тогда все в порядке. Но большинство людей врет.

Я принял это категорическое утверждение молча.

Меган произнесла независимо и беспристрастно:

- Рада за вас. А то я боялась, что вы выглядите таким мрачным из-за того, что потерпели крах в жизни; но если вы вообще такой, это другое дело.

- Я не мрачный, - сказал я холодно.

- Ну, раздражительный.

- Я раздражителен потому, что мне хочется поскорее вернуться к норме; но такие дела не делаются быстро.

- Тогда к чему суетиться?

Я рассмеялся:

- Дорогая девочка, разве вам никогда не хотелось, чтобы что-то случилось поскорее?

Меган обдумала вопрос. И доложила:

- Нет. Чего бы мне могло хотеться? Здесь не из-за чего спешить. Ничего никогда не случается.

Я был поражен отчаянием, прозвучавшим в ее словах. И мягко спросил:

- А чем вообще вы здесь занимаетесь?

Она пожала плечами:

- Да чем здесь можно заняться?

- У вас нет никаких увлечений? Вы ни во что не играете? У вас нет друзей?

– Я ничего не понимаю в играх. А девушек вокруг много, но они все мне не нравятся. Они считают меня ужасной.

– Чушь. Почему?

Меган тряхнула головой в ответ.

Мы уже добрались до Верхней улицы.

Меган язвительно сказала:

– Мисс Гриффитс идет. Ненавистная тетка. Вечно пристает, чтобы я вступила в команду этих вонючих скаутов. Ненавижу скаутов. Зачем наряжаться, и ходить везде кучей, и носить значки, если все равно ничего не умеешь делать как следует? Я думаю, это все вздор.

В целом я, пожалуй, был согласен с Меган. Но мисс Гриффитс обрушилась на нас прежде, чем я успел высказать свое согласие.

Сестра доктора обладала странным и не подходящим ей именем Айми и всей той самоуверенностью, которой так не хватало ее брату. Это была весьма самостоятельная, энергичная женщина с низким голосом.

– Привет обоим, – сказала она нам. – Великолепное утро, не так ли? Меган, я как раз хотела вас видеть. Мне нужна небольшая помощь. Написать конверты для Ассоциации консерваторов.

Меган что-то уклончиво пробормотала, приткнула свой велосипед у обочины и целеустремленно направилась к универмагу.

– Необычное дитя, – сообщила мисс Гриффитс, провожая ее взглядом. – Костлявая лентяйка. Только и делает, что бродит, как во сне. Должно быть, это нелегкое испытание для бедной миссис Симмингтон. Я знаю, что она не раз пыталась заставить девчонку заняться хоть чем-то – стенографией, знаете ли, или кулинарией, предлагала ей завести ангорских кроликов... Ей необходимо какое-то занятие в жизни.

Я подумал, что это вполне может быть и правдой, но на месте Меган я бы тоже, пожалуй, твердо сопротивлялся любым предложениям Айми Гриффитс по той простой причине, что агрессивность этой личности всегда вынуждала меня быстренько ретироваться.

– Я никогда не бездельничаю, – продолжала мисс Гриффитс. – И уж конечно, нельзя допускать, чтобы бездельничала молодежь. И если бы Меган была хоть хорошенькой, привлекательной или что-то в этом роде! Иногда я думаю, что девочка слабоумна. Ее отец, знаете ли, – она слегка понизила голос, – был определенно дурным человеком. Боюсь, что дитя пошло в него. Это мучительно для ее матушки. Ну, впрочем, мало ли как можно устроиться в жизни, я так считаю.

– К счастью, – отозвался я.

Айми Гриффитс издала «прелестный» смешок.

– Да, невозможно всем жить по одному образцу. Но я не могу видеть, когда кто-то не берет от жизни всего, что возможно. Мне говорят, что, должно быть, до смерти скучно круглый год жить в деревне. Ничуть, отвечаю я! Я всегда занята, всегда счастлива! И в таком крохотном городишке всегда что-то происходит. Мое время заполнено – у меня есть скауты, Женский институт, всякие комитеты, не говоря уж о том, что нужно присматривать за Оуэном.

В эту минуту мисс Гриффитс увидела знакомого на другой стороне улицы и, издав одобрителный лай, поскакала через дорогу, позволив мне свободно продолжить путь в банк.

Я всегда считал мисс Гриффитс сокрушительной личностью.

Мои дела в банке завершились успешно, и я отправился в контору «Гэлбрайт, Гэлбрайт и Симмингтон». Я не знаю, существовали ли когда-либо какие-то Гэлбрайты. Я их не видел. Меня проводили к ныне здравствующему владельцу Ричарду Симмингтону. В его кабинете ощущался запах пыли и ни с чем не сравнимый аромат давным-давно основанной юридической фирмы.

Огромное количество ящиков с документами, украшенных наклейками: «Леди Хоуп», «Сэр Эверард Карр», «Вильям Ятсби-Хоурз, эскв.», «Скончавшиеся» и т. д., создавало впечатление благопристойности клиентуры и признанного, устоявшегося дела.

Пока мистер Симмингтон рассматривал бумаги, которые я принес, я рассматривал его, и мне пришло в голову, что если миссис Симмингтон и бедствовала в первом браке, то второе замужество было игрой наверняка. Ричард Симмингтон был высшим проявлением спокойной респектабельности, тем типом человека, который не доставит своей жене никаких тревог. Длинная шея с кадыком, невыразительное, бледное, как у покойника, лицо и длинный тонкий нос... Милейший человек, без сомнения, но не из тех, кто заставляет сердца бешено колотиться.

Вскоре мистер Симмингтон заговорил. Он говорил четко и медленно, выказывая доброжелательность ко мне и хитроумную пронизательность в делах. Мы ударили по рукам, и я поднялся, чтобы идти, заметив попутно:

– С холма я шел вместе с вашей приемной дочерью.

Какое-то мгновение мистер Симмингтон выглядел так, словно понятия не имел, кто такая его приемная дочь, потом улыбнулся.

– О да, конечно... Меган. Она... э-э... недавно вернулась из школы. Мы подумываем о том, чтобы пристроить ее к какому-нибудь делу... да, к делу. Но, конечно, она еще слишком молода. И немножко неразвита для своего возраста, говорят. Да, мне так говорили.

Я вышел. В соседней комнате находились очень старый человек, сидящий на табурете и медленно и тщательно пишущий что-то, маленький нахального вида мальчишка и женщина средних лет с завитыми волосами и в пенсне, которая с бешеной скоростью печатала на машинке.

Если это и была мисс Гинч, то я бы согласился с Оуэном Гриффитсом, что нежные отношения между ней и ее работодателем абсолютно невозможны.

Я зашел в пекарню и выложил монетку за булку с изюмом. Но, увидев эту булку, я выразил протест и недоверие, совершенно справедливые в данном случае, и

тут же получил взамен другую, «совершенно свежую, только что из печки!». И, судя по тому, как она обожгла мою грудную клетку, когда я прижал ее к себе, это было правдой.

Я вышел из лавки и посмотрел направо и налево, надеясь увидеть Джоанну и автомобиль. Прогулка сильно утомила меня, и было неудобно идти на костылях, держа булку.

Но Джоанна еще не появилась.

Внезапно мои глаза обнаружили нечто радостное и невероятное. По тротуару ко мне приближалась, словно плыла, богиня. Тут действительно не подобрать было другого слова. Прекрасные черты лица, вьющиеся золотые волосы, стройная, изысканных очертаний фигура... И походка у нее была легкая, как у богини, и казалось – девушка подплывает все ближе и ближе. Великолепная, невероятная, сногшибательная девушка!

Весьма взволновавшись, я попытался шагнуть. Но что действительно при этом сдвинулось с места, так это булка. Она выскользнула из моих пальцев. Я попытался пикировать за ней – и уронил костыль, с грохотом полетевший на тротуар, а я поскользнулся и чуть не упал.

Сильная рука богини поймала и поддержала меня. Заикаясь, я заговорил:

– Уж-жасно вам благодарен, я ж-жутко виноват...

Она подобрала булку и вручила ее мне вместе с костылем. Затем она очаровательно улыбнулась и сказала бодро:

– Не стоит благодарности. Ничего особенного, уверяю вас.

И магия полностью растаяла от звуков категоричного, уверенного голоса. Добрая, хорошо сложенная, приятно выглядящая девушка, только и всего.

Я ударился в размышления о том, что случилось бы, если бы боги наделили Елену Троянскую точно такой же категоричной манерой говорить. Как это странно, что девушка могла растревожить вашу душу до самой глубины, пока

помалкивала, но в тот самый момент, когда она заговорила, чары исчезли, будто их и не было вовсе.

Я знавал, однако, и счастливые несоответствия: одну маленькую печальную женщину с обезьяньим личиком, на которую никто не захотел бы оглянуться, чтобы увидеть ее еще раз. Но вот она открывала рот – и внезапно возникало и расцветало обаяние, словно Клеопатра поделилась с ней своим искусством очаровывать мужчин.

Джоанна остановилась у обочины рядом со мной, но я не заметил ее. Она спросила, не случилось ли чего-нибудь.

– Ничего, – сказал я, беря себя в руки. – Я размышлял о Елене Прекрасной и прочих.

– Миленькое местечко ты для этого выбрал, – сказала Джоанна. – Ты выглядишь очень странно, стоя здесь с широко открытым ртом и вцепившись в булку с изюмом.

– Я потрясен, – объяснил я. – Я перенесся в «Илиаду» и вернулся обратно.

И добавил, указывая на удаляющуюся, словно плывущую спину:

– Ты не знаешь, кто это?

Всмотревшись в девушку, Джоанна сказала, что это Элси Холланд, гувернантка Симмингтонов.

– Так вот что заставило тебя окаменеть! – сообразила Джоанна. – Она неплохо выглядит, но немножко похожа на рыбу.

– Понятно, – сказал я. – Очень милая и добрая девушка. Я было принял ее за Афродиту.

Джоанна открыла дверцу автомобиля, и я уселся.

– Она прелестна, не так ли? – сказала Джоанна. – Есть люди с блестящей внешностью, но с полным отсутствием сексапильности. Она как раз такая. Какая жалость!

Я сказал, что если она гувернантка, то это как раз может быть к лучшему.

В тот день нас пригласил к чаю мистер Пай.

Мистер Пай был крайне женственным, пухлым маленьким человечком, полностью посвятившим себя своим крохотным стульям, дрезденским пастушкам и коллекции стильной мебели разных эпох. Он жил на вилле «Прайорз Лодж». На прилегающих к ней землях сохранились руины старого монастыря, разрушенного во времена Реформации.

Вилла с трудом могла сойти за человеческое жилье. Шторы и диванные подушки здесь были из очень дорогого шелка пастельных тонов.

Маленькие пухлые ручки мистера Пая дрожали от возбуждения, когда он описывал и демонстрировал свои сокровища, а голос мистера Пая срывался на тонкий писк, когда он повествовал о волнующих обстоятельствах, при которых приобрел итальянскую кровать в Вероне.

Мы с Джоанной, оба любящие антиквариат, внимали с одобрением.

– Это действительно удовольствие, огромное удовольствие – такое пополнение нашей маленькой общины. Здесь живут милые, добрые люди, вы знаете, но они мучительно буколичны – чтобы не сказать провинциальны. Вандалы, абсолютные вандалы! А обстановка их домов – она заставит вас плакать, дорогая леди, уверяю, она заставит вас плакать! Разве не так?

Джоанна согласилась, что ничего подобного тому, что она видит здесь, ей встречать не приходилось.

– Дом, который вы снимаете, – продолжал мистер Пай, – дом мисс Эмили Бэртон. Он просто очарователен, и у нее там есть кое-какие прелестные вещицы. Весьма прелестные. Одна или две из них просто первоклассные. И у нее есть вкус; хотя

я не вполне уверен, что сделал бы так же. Боюсь, что иной раз – мне так кажется – это просто сентиментальность. Ей нравится держать вещи там, где они были всегда, но не там, где им лучше всего быть, не там, где они выглядели бы лучше всего, и лишь по той причине, что ее матушка ставила их именно на это место.

Он перенес свое внимание на меня, и его голос изменился. Это уже был голос не восхищенного художника, а прирожденного сплетника.

– Вы ничего не знаете об этой семье? О, конечно, нет, – только то, что услышали от агента по найму. Но, мой дорогой, вы должны иметь представление об этой семье! Когда я приехал сюда, старая мамаша была еще жива. Невероятная особа, совершенно невероятная! Монстр, если вы понимаете, что я имею в виду. Совершенный монстр. Монстр в викторианских платьях, пожирающий своих дочерей. Да, иначе и не скажешь. Она была монументальна, знаете ли, в ней, должно быть, было стоунов семнадцать, и все пять дочерей крутились возле нее. «Девочки!» – она всегда звала их только так. «Эти глупые девчонки!» – иной раз называла она их. Черные рабы – вот кем они были; на них она ездила, и они же с ней всегда соглашались. В десять вечера они отправлялись в постель и не смели зажигать света в спальнях, а уж чтобы они пригласили в дом кого-то из своих друзей – это неслыханно. Она презирала их, знаете ли, за то, что они не выходят замуж, но ведь они не могли устроить свою жизнь, потому что у них не было возможности встречаться с кем-либо. Мне кажется, Эмили, а возможно, это была Агнес, завела какие-то отношения с помощником приходского священника. Но его семья оказалась недостаточно хороша, и мамаша пресекла все это.

– Звучит как роман, – сказала Джоанна.

– О, моя дорогая, все так и было. А потом ужасная старая женщина умерла, но, конечно, было уже слишком поздно. Они продолжали жить там и тихими голосами говорили о том, чего бы могло захотеться бедной матушке. Даже переклейку обоев в ее спальне они восприняли бы как святотатство. Однако они делали много хорошего в церковном приходе, тихо и незаметно... Но ни одна из них не обладала большим запасом жизненных сил, и они поумирали одна за другой. Эдит скончалась от инфлюэнцы, Минни сделали операцию – и она не оправилась после нее, а бедную Мэйбл хватил удар – Эмили ухаживала за ней со всей преданностью. Последние десять лет она только тем и занимается, что ухаживает за больными. Прелестное создание, вам не кажется? Похожа на дрезденскую статуэтку. Как печально, что у нее сейчас финансовые затруднения... Впрочем, нынче все обесценилось.

– Это ужасно, что мы живем в ее доме, – сказала Джоанна.

– Нет-нет, дорогая юная леди. Вы не должны чувствовать ничего в этом роде. Ее добрая Флоренс весьма предана ей, и Эмили сама мне говорила, что счастлива обрести таких арендаторов. – Тут мистер Пай слегка поклонился. – Она считает, что ей с вами решительно повезло!

– В этом доме, – сказал я, – утешающая атмосфера.

Мистер Пай бросил на меня быстрый взгляд.

– В самом деле? Вы это почувствовали? Да, это очень интересно. Я удивлен, знаете ли. Да, я удивлен.

– Что вы имеете в виду, мистер Пай? – спросила Джоанна.

Мистер Пай развел пухлыми ручками.

– Ничего, ничего. Удивлен, и только. Я верю в атмосферу, знаете ли. Люди думают и чувствуют. На них оказывают воздействие стены и мебель.

На пару мгновений я онемел. Я осматривался вокруг и соображал, как бы я описал атмосферу «Прайорз Лодж». Мне как раз казалось очень странным, что здесь нет никакой атмосферы! Это было и в самом деле примечательно.

Я задумался над этим настолько, что совершенно не слышал разговора, продолжавшегося между Джоанной и хозяином. Я очнулся, однако, услышав, что Джоанна начинает прощаться. Я оставил свои фантазии и присоединился к компании.

Мы отправились в холл. Когда мы подошли к парадной двери, в почтовую щель вползло письмо и упало на циновку.

– Дневная почта, – прошептал мистер Пай, поднимая его. – Ну, дорогие молодые люди, вы ведь придете еще, не так ли? Как приятно встретить столь свободные умы, если вы меня понимаете, в этом мирном болоте, где никогда ничего не

случается!

Пожав нам обоим руки, он с преувеличенной заботливостью помог мне сесть в машину. Джоанна взялась за руль, проехала достаточно осторожно по круговой дорожке вокруг безупречной зеленой лужайки и, выехав на прямую, подняла руку, чтобы помахать гостеприимному хозяину, стоявшему на ступенях у входа. Я наклонился вперед, чтобы сделать то же самое.

Но наш прощальный жест остался незамеченным. Мистер Пай вскрыл почту. Он стоял, изумленно глядя на развернутое письмо.

Джоанна как-то назвала его пухлым розовым херувимчиком. Он, конечно, оставался пухлым, но сейчас совсем не был похож на херувима. Его лицо налилось темным пурпуром, исказилось от гнева и изумления. И от страха.

В этот момент я взглянул на конверт. Он мне что-то напомнил. Я ничего не понял тогда – потому что это была одна из тех вещей, которые мы подмечаем неосознанно, даже не догадываясь об этом.

– Боже мой, – сказала Джоанна, – кто стукнул бедного малыша?

– Думаю, – сказал я, – что это снова Таинственная Рука.

Сестра повернула ко мне изумленное лицо, и автомобиль вильнул.

– Внимательнее, девушка, – предостерег я.

Джоанна сосредоточилась на дороге. Она недовольно хмурилась.

– Ты имеешь в виду письмо вроде того, что мы получили?

– Это лишь догадка.

– Что же это за местечко? – спросила Джоанна. – Ведь оно выглядит самым невинным, сонным, безвредным кусочком Англии, какой только можно представить...

– И где, цитируя мистера Пая, никогда ничего не случается, – перебил я. – Он выбрал дурную минуту, чтобы сказать это. Что-то случилось.

– Джерри! – сказала Джоанна. – Я... я думаю, что мне это не нравится. – Впервые в ее голосе прозвучала нотка страха.

Я ничего не ответил, потому что мне это тоже не нравилось. Такой мирный, улыбчивый, счастливый сельский уголок, над которым нависло нечто злое. И именно с этого момента у меня в душе поселилось предчувствие беды...

Прошло несколько дней. Мы явились на бридж к Симмингтонам, и миссис Симмингтон надоела мне до крайности, постоянно упоминая Меган.

– Бедная деточка так неуклюжа. Она в таком возрасте, когда уже заканчивают школу, но еще продолжают расти.

Джоанна заметила сладко:

– Но ведь Меган уже двадцать, не так ли?

– О, да, да. Но она, конечно, моложава для своих лет. Совсем еще как ребенок. А неплохо было бы, я думаю, если бы девочки не росли так быстро. – Она засмеялась. – Я уверена, любая мать хотела бы, чтобы ее ребенок оставался вечным младенцем.

– С чего бы им этого хотеть? – сказала Джоанна. – К тому же, должно быть, это очень затруднительно – иметь ребенка, который умственно остается шестилеткой, когда его тело становится взрослым.

Миссис Симмингтон глянула с досадой и сказала, что мисс Бартон не должна воспринимать все слишком буквально.

Я был доволен Джоанной, и мне пришло в голову, что я был невнимателен к миссис Симмингтон. Эта анемичная прелесть среднего возраста скрывает, подумал я, эгоистичную, хваткую натуру.

Джоанна коварно спросила, не намерена ли миссис Симмингтон учить Меган танцам.

– Танцам? – Миссис Симмингтон, казалось, удивилась и позабавилась. – О нет, здесь такое не принято.

– Вижу. А заодно теннис и прочее в этом роде.

– Наш теннисный корт годами пустует. Ни Ричард, ни я не играем. Я полагаю, позже, когда мальчики подрастут... О, Меган найдет массу занятий. Она, знаете ли, вполне счастлива, впустую проводя время. Позвольте взглянуть, я сдаю?

Когда мы поехали домой, Джоанна, злобно нажав на акселератор, так, что машина прыгнула вперед, сказала:

– Я чувствую себя ужасно виноватой перед этой девочкой.

– Меган?

– Да. Ее мать не любит ее.

– Ну, Джоанна, бывают вещи и похуже.

– Да, конечно. Множество мамаш не любят собственных детей. А Меган – могу представить! Держать дома такое существо весьма неудобно. Она вносит разлад в их образ жизни – образ жизни Симмингтонов. Без нее они – завершённое семейство, и они должны ощущать себя крайне несчастными из-за того, что среди них такое чувствительное создание, – а она действительно чувствительна!

– Да, – согласился я, – думаю, она такая.

Джоанна внезапно весело рассмеялась:

– Невезуха тебе с этой гувернанткой!

– Не понимаю, что ты имеешь в виду, – сказал я с достоинством.

– Ерунда. Каждый раз, когда ты смотрел на нее, на твоем лице вырисовывалась мужская досада. Я согласна с тобой, это бесполезная трата времени. И я не вижу, кто еще здесь мог бы тебе подойти. Но ты произвел огромное впечатление на Айми Гриффитс.

– Избави бог! – воскликнул я с содроганием. – И кстати, – добавил я, – почему так много интереса к моей интимной жизни? А как насчет тебя, девочка? Ты нуждаешься в небольшом развлечении, насколько я тебя знаю. Но здесь нет непризнанных гениев, болтающихся вокруг. Тебе нужно покорить Оуэна Гриффитса. Он единственный неженатый мужчина в местечке.

Джоанна вскинула голову:

– Доктору Гриффитсу я не нравлюсь.

– Он мало тебя видел.

– Он видел достаточно для того, чтобы переходить на другую сторону, встречая меня на Верхней улице!

– Весьма необычная реакция, – сказал я с сочувствием. – Ты к такому не привыкла.

Джоанна в молчании проехала в ворота «Литтл Фюрц» и к гаражу. Потом сказала:

– Возможно, в твоей идее что-то есть. Я не понимаю, почему бы кому-то переходить на другую сторону улицы, чтобы избежать встречи со мной. Это уж слишком бросается в глаза.

– Я вижу, – сказал я, – ты намерена устроить хладнокровную охоту на него.

– Ну, мне не нравится, когда меня сторонятся.

Я медленно и осторожно выбрался из автомобиля и установил костыли. Потом дал сестре маленький совет:

- Позволь сказать тебе, девочка. Оуэн Гриффитс - не из тех твоих ручных, скулящих, артистичных молодых людей. Если ты не будешь осторожна, ты можешь разворошить осиное гнездо. Этот человек может быть опасным.

- Ты действительно так думаешь? - спросила Джоанна, проявляя все признаки удовольствия от такой перспективы.

- Оставь беднягу в покое, - сказал я настойчиво.

- Как он смеет переходить через улицу, когда видит меня?

- Все вы, женщины, одинаковы. Вечно повторяете одно и то же. Сестрица Айми тоже устроит охоту с ружьем - на тебя, если я не ошибаюсь.

- Она уже меня ненавидит, - сказала Джоанна. Она говорила задумчиво, но с оттенком злорадства.

- Мы приехали сюда, - сказал я строго, - в мирный и тихий уголок, и я надеюсь, что мы не нарушим его покой.

Но если чего и не было впереди, так это мира и тишины.

Глава 2

Примерно через неделю я, вернувшись домой, обнаружил Меган, которая сидела на ступенях веранды, уткнув подбородок в колени.

Она встретила меня со своей обычной бесцеремонностью.

- Привет! - сказала она. - Вы, наверное, думаете, что я явилась к обеду?

– Конечно, – сказал я.

– Если там отбивные или что-нибудь подобное и на всех их не хватит, вы мне скажите сразу, – предупредила Меган, пока я огибал дом, чтобы известить Патридж, что за столом нас будет трое.

Мне показалось, что Патридж фыркнула. Она, по обыкновению, без слов умудрилась выразить, что не слишком-то высокого мнения об этой мисс Меган.

Я вернулся на веранду.

– Все в порядке? – озабоченно спросила Меган.

– Вполне в порядке, – ответил я. – Ирландское рагу.

– О, это вроде кормежки для собак, да? Я хочу сказать, что это в основном картошка и приятный запах.

– В этом роде, – согласился я.

Мы молчали, пока я курил свою трубку. Это была в высшей степени приятельская тишина.

Меган разрушила ее внезапно и эгоистично:

– Я полагаю, вы думаете, я такая же ужасная, как все.

Я был настолько поражен, что у меня трубка вывалилась изо рта. Это была пенковая трубка, весьма приятного цвета, – и она разбилась.

Я сердито сказал Меган:

– Смотрите, что вы натворили!

Это странное дитя, вместо того чтобы расстроиться, откровенно усмехнулось:

– Я поступаю, как вы.

Ответ ее прозвучал яростно. Можно вообразить, что так ответила бы собака, умеющая говорить, – хотя это может оказаться заблуждением относительно собак. Мне пришло в голову, что Меган, несмотря на свое сходство с лошадью, имеет собачий характер. И уж конечно, она была не вполне человеком.

– Что вы сказали перед тем, как она разбилась? – спросил я, тщательно собирая осколки заветной трубки.

– Я сказала, что полагаю – вы считаете меня ужасной, – повторила Меган, но уже совсем другим тоном.

– Почему бы я должен так считать?

Меган серьезно объяснила:

– Потому что я ужасная.

Я резко сказал:

– Не будьте дурочкой.

Меган тряхнула головой:

– Все точно. Я не дурочка. Хотя многие так обо мне думают. Они не знают, что я прекрасно понимаю, чего они хотят, и что я постоянно ненавижу их.

– Ненавидите их?

– Да, – отрезала Меган.

Ее глаза – недетские грустные глаза – смотрели на меня пристально, не мигая. Это был долгий, внимательный взгляд.

- Вы бы тоже ненавидели людей, если бы были похожи на меня, - сказала она. - Если бы вы были нежеланны.

- Вам не кажется, что вы слегка нездоровы? - спросил я.

- Да, - сказала Меган. - Это самое говорят все, когда слышат правду. А это правда. Меня не хотят видеть в доме, и я понимаю почему. Мамуля ничуть не любит меня. Я думаю, я напоминаю ей отца, а он был жесток с ней, ужасно жесток, судя по тому, что я слышала. Только матери не могут сказать, что им не нужны их дети, и сбежать от них. Или съесть их. Кошки ведь съедают тех котят, которых не любят. Мне кажется, это благоразумно. Ни пустой траты времени, ни неприятностей. А вот человеческие матери не оставляют своих детей, даже присматривают за ними. Пока я жила в школе, все было не так уж плохо, но вы же видите, что мамуле хотелось бы остаться с моим приемным отцом и мальчиками.

Я медленно произнес:

- Мне все же кажется, что вы нездоровы, Меган, но если допустить, что кое-что из того, что вы говорите, - правда, то почему вы не уедете и не начнете жить самостоятельно?

Она улыбнулась мне странно, не по-детски.

- Вы хотите сказать, заняться делом? Зарабатывать на жизнь?

- Да.

- Чем?

- Я полагаю, вы могли бы чему-нибудь научиться. Стенографии, машинописи, книжной торговле...

- Не уверена, что могу. Я мало понимаю в делах. Зато...

- Ну?

Она перед этим отвернулась от меня, а сейчас медленно повернула голову. Ее лицо покраснело, на глазах были слезы. И когда она заговорила, детство вновь звучало в ее голосе:

– Почему я не уезжаю? Или хотя бы не попытаюсь это сделать? Они меня не хотят, но я останусь. Я останусь, и пусть они об этом пожалеют. Пусть они все об этом пожалеют! Ненавистные свиньи! Я ненавижу всех в Лимстоке! Они все думают, что я глупая и безобразная. Я им покажу! Я им покажу! Я...

Это был детский, необычайно трогательный гнев.

Я услышал шаги по гравии за углом дома.

– Быстро! – свирепо рявкнул я. – Бегите в дом через гостиную! Пойдите в ванную. Умойтесь. Быстро!

Она неловко вскочила на ноги и мгновенно забралась в дом через окно, пока Джоанна огибала угол.

Я сказал ей, что к обеду пришла Меган.

– Хорошо, – кивнула Джоанна. – Мне нравится Меган, хотя я все-таки думаю, что она немножко слабоумная. Ребенок, подброшенный на порог феями. Но она интересная.

Похоже, я до сих пор не уделил внимания преподобному Дан-Кэлтропу и миссис Дан-Кэлтроп.

А ведь оба они, викарий и его жена, были оригинальными персонами. Дан-Кэлтроп, наверное, был самым далеким от жизни человеком, какого я когда-либо знал. Его существование заключалось в его книгах и ученых штудиях. Его жена, напротив, отличалась тем, что всегда все знала. Хотя она редко давала советы и никогда ни во что не вмешивалась, она все же взывала к совести жителей деревни, словно олицетворяя самого Господа.

Миссис Дан-Кэлтроп остановила меня на Верхней улице на другой день после того, как Меган приходила к обеду. Я, как обычно, изумился – потому что миссис

Дан-Кэлтроп двигалась так, словно она не гуляла, а гналась за кем-то, и оттого приобретала потрясающее сходство с борзой; а поскольку ее взгляд был постоянно сосредоточен на горизонте, вы были уверены, что ее цель находится в полутора милях отсюда.

– О! – сказала она. – Мистер Бартон!

Она произнесла это немного торжествующе, тоном человека, разрешившего особо хитрую загадку. Я подтвердил, что я действительно мистер Бартон, и миссис Дан-Кэлтроп, оставив в покое горизонт, попыталась сосредоточить свое внимание на мне.

– Для чего, – спросила она, – я хотела вас увидеть?

Я ничем не мог ей помочь. Она стояла, хмурия брови, пребывая в глубоком замешательстве.

– Что-то очень гадкое, – сказала она.

– Прошу меня извинить за это, – пораженный, сказал я.

– А! – вскрикнула миссис Дан-Кэлтроп. – Анонимные письма! Что за историю с анонимными письмами вы привезли к нам?

– Я не привозил ее, – возразил я. – Это здесь уже было.

– Никто ничего подобного не получал, пока вы не приехали, – сказала миссис Дан-Кэлтроп обвиняюще.

– Письма приходили и до нас, миссис Дан-Кэлтроп. Этот ужас начался давно.

– О боже! – сказала миссис Дан-Кэлтроп. – Мне это не нравится.

Она помолчала, и ее взгляд вновь убежал вдаль. Потом она сообщила:

– Я не могу избавиться от чувства, что это нечто дурное. Мы не такие здесь. Зависть, конечно, и злоба, и мелкие стычки с давних пор, – но я не думала, что есть некто, способный на такое. Да, никогда не думала. И это огорчает меня, видите ли, потому что я должна была бы знать.

Ее прекрасные глаза вернулись с горизонта и нашли меня. Во взгляде было беспокойство и искреннее замешательство.

– Почему вы должны были бы знать? – спросил я.

– Я всегда все знаю. Я просто чувствую, что это моя обязанность. Кэйлеб проповедует правильные идеи и отправляет требы. Это обязанность священника, но я думаю, что обязанность его жены – знать, что думают и чувствуют люди, даже если жена ничего не может сделать. А я не имею ни малейшего представления, чей ум оказался...

Она внезапно прервала свою речь, уклончиво добавив:

– К тому же это очень глупые письма.

– А вы... э-э... вы тоже что-то получили?

Я задал вопрос с известной долей робости, но миссис Дан-Кэлтроп ответила совершенно естественным тоном, лишь ее глаза стали чуть шире:

– О да, два... нет, три. Я забыла, что именно в них говорилось. Что-то очень глупое о Кэйлебе и школьной учительнице, так, кажется. Совершенная ерунда, потому что Кэйлеб не имеет склонности к флирту. Он никогда этим не занимался. Он вполне доволен церковной работой.

– Конечно, – сказал я. – О, конечно.

– Кэйлеб стал бы святым, – сказала миссис Дан-Кэлтроп, – если бы не был слишком уж умным.

Я оказался не в состоянии подобрать ответ на подобную критику, но это было и ни к чему, так как миссис Дан-Кэлтроп продолжала говорить, непостижимым

образом вновь перескочив от своего мужа к письмам:

– Существует ведь множество вещей, о которых могло бы говориться в этих письмах, но этого нет. И это весьма странно.

– Я бы вряд ли сказал, что они страдают избытком сдержанности, – бросил я резко.

– Да, но не похоже, чтобы автор знал что-нибудь. Что-нибудь реальное.

– Вы полагаете?

Прекрасные блуждающие глаза обнаружили меня.

– Да, конечно, ведь у всех нас есть множество прегрешений, какие-то постыдные секреты. Почему этот сочинитель не использует их? – Она помолчала, а потом внезапно спросила: – Что говорилось в вашем письме?

– Там утверждалось, что моя сестра мне не сестра.

– А она вам сестра?

Миссис Дан-Кэлтроп задала вопрос с непринужденным, дружеским интересом.

– Конечно, Джоанна мне сестра.

Миссис Дан-Кэлтроп кивнула.

– Это как раз и подтверждает то, что я имела в виду. Осмелюсь сказать, существует другое...

Ее чистые, нелюбопытные глаза смотрели на меня задумчиво, и я внезапно понял, почему весь Лимсток побаивается миссис Дан-Кэлтроп.

В жизни каждого есть нечто тайное, и каждый надеется, что об этом никто никогда не узнает. Но я почувствовал, что миссис Дан-Кэлтроп действительно

знает все.

И в этот раз я испытал истинное наслаждение, когда сердечный голос Айми Гриффитс прогудел:

– Привет, Мод! Рада, что наконец-то вас встретила. Я хочу предложить изменить день распродажи рукоделий. Доброе утро, мистер Бартон.

Она продолжала:

– Я должна сейчас заскочить к бакалейщику, оставить заказ, потом я пойду в институт, вам это подходит?

– Да-да, это будет просто замечательно, – ответила миссис Дан-Кэлтроп.

Айми Гриффитс вошла в лавку.

Миссис Дан-Кэлтроп сказала:

– Бедняжка!

Я был в недоумении. Неужели она жалеет Айми?

Она тем временем продолжила:

– Знаете, мистер Бартон, я действительно боюсь...

– Вы об этих письмах?

– Да, видите ли, в них есть намерение... в них должно быть намерение... – Она замолчала, сбившись с мысли, прищурилась. Потом заговорила медленно, словно решая загадку: – Слепая ненависть... да, слепая ненависть. Но даже слепой человек может попасть кинжалом в сердце, если ему выпадет шанс... И что случится тогда, мистер Бартон?

Мы узнали это еще до того, как закончился следующий день.

...Патридж, которая просто-таки наслаждалась разного рода трагедиями, в очень ранний утренний час вошла в комнату Джоанны и со всеми подробностями сообщила, что миссис Симмингтон накануне днем покончила жизнь самоубийством...

Джоанна, стряхнув остатки сна, села в постели, мгновенно и окончательно проснувшись.

- О Патридж, какой ужас!

- Действительно ужас, мисс. Безнравственно лишать себя жизни. Хотя тут, конечно, не без того, что ее довели до этого, бедняжку.

Джоанна поняла намек. Ее едва не затошнило.

- Нет... - Ее глаза задавали Патридж вопрос, и Патридж кивнула.

- Именно так, мисс. Одно из этих грязных писем.

- Как это отвратительно! - сказала Джоанна. - До жути отвратительно! И все-таки я не понимаю, почему она должна убивать себя из-за подобного письма.

- Если только написанное в нем не было правдой, мисс.

- А что в нем было?

Но этого Патридж не могла или не хотела сказать. Джоанна вошла ко мне, бледная и потрясенная. Все это казалось тем более страшным, что мистер Симмингтон был не тем человеком, с которым хоть как-то можно связать представление о трагедии.

Джоанна высказала мысль, что мы должны предложить Меган переехать к нам на день-два. Элси Холланд, сказала Джоанна, может быть, и хороша для детей, но это такая особа, которая почти наверняка доведет Меган до сумасшествия.

Я согласился. Я представил Элси Холланд, произносящую пошлость за пошлостью и предлагающую бесчисленные чашки чая. Доброе создание, но совсем не то, что нужно Меган.

Мы поехали к Симмингтонам после завтрака. Мы оба немножко нервничали. Наш приход мог выглядеть как явное и отвратительное любопытство. К счастью, мы встретили Оуэна Гриффитса, возвращавшегося от Симмингтонов. Он приветствовал меня вполне сердечно, и его обеспокоенное лицо прояснилось.

- О, привет, Бартон, рад вас видеть. Я боялся, что это произойдет рано или поздно. И вот это случилось. Проклятое дело!

- Доброе утро, доктор Гриффитс, - сказала Джоанна тем голосом, каким она обычно говорила с нашими глухими тетушками.

Гриффитс подскочил от испуга и покраснел.

- О... о, доброе утро, мисс Бартон.

- Я подумала, - пояснила Джоанна, - что, может быть, вы меня не заметили.

Оуэн Гриффитс покраснел еще гуще. Его охватило отчаянное смущение.

- Я... извините... я сосредоточился... нет, это не так.

Джоанна безжалостно продолжила:

- В конце концов, это я, собственной персоной.

- Ну просто несносная кошка, - рассерженно бросил я в ее сторону. И сказал, обращаясь к Гриффитсу: - Мы с сестрой, Гриффитс, хотели бы знать, хорошо ли будет, если Меган переберется к нам на пару дней. Как вы думаете? Мне бы не хотелось бесцеремонно вмешиваться в чужие дела - но все это чересчур мрачно для бедного ребенка. Как Симмингтон к этому отнесется, вы не знаете?

Гриффитс минуту или две обдумывал услышанное.

– Полагаю, это было бы превосходно, – произнес он наконец. – Она странная, нервная девочка, и для нее было бы неплохо отвлечься от всего этого. Мисс Холланд творит чудеса, у нее прекрасная голова на плечах, но у нее больше чем достаточно дел с двумя детьми и с самим Симмингтоном. Он совершенно разбит... сбит с толку.

– Это было... – я колебался, – самоубийство?

Гриффитс кивнул.

– О да. Никаких сомнений. Она написала: «Я не смогу...» – на клочке бумаги. То письмо, должно быть, пришло вчера, с дневной почтой. Конверт валялся на полу возле ее стула, а само письмо было смято в комок и заброшено в камин.

– Что... – Я замолчал, ужаснувшись собственной бестактности. – Извините, – сказал я.

Гриффитс печально улыбнулся.

– Не стесняйтесь спрашивать. То письмо будет прочитано при дознании. Оно не вызывает ничего, кроме сожалений. Оно такое же, как все прочие, и составлено в таких же отвратительных выражениях. В нем в особенности нажимается на то, что второй мальчик, Колин, – не сын Симмингтона.

– Вы думаете, это правда? – воскликнул я недоверчиво.

Гриффитс пожал плечами.

– Я не имею никаких оснований для выводов. Все то время, что я их знал, Симмингтоны были безмятежной, счастливой парой, людьми, преданными друг другу и своим детям. Верно лишь то, что мальчик действительно не похож на родителей – у него яркие рыжие волосы, например, – но ведь дети часто бывают похожи на дедушку или бабушку.

– Но как раз отсутствие сходства и могло породить это обвинение. Подлый и внезапный удар наугад.

– Но он попал в цель, – сказала Джоанна. – В конце концов, иначе-то она бы не стала убивать себя, правда?

Гриффитс сказал с сомнением в голосе:

– Я не совсем в этом уверен. Миссис Симмингтон очень беспокоило здоровье в последнее время – нервы, истеричность. Я лечил ее, старался привести ее нервы в порядок. Я думаю, это возможно: потрясение от письма, составленного в подобных выражениях, могло привести ее в состояние паники, упадка духа, и она решила покончить с жизнью. Она могла разжечь в себе уверенность, что муж ни за что не поверит ей, если она начнет отрицать написанное, и стыд и возмущение могли нахлынуть на нее с такой силой, что она впала в умопомешательство.

– Самоубийство как результат больного воображения, – сказала Джоанна.

– Совершенно верно. Я думаю, именно эту точку зрения я изложу на дознании.

Мы с Джоанной вошли в дом.

Входная дверь была открыта, и просто войти показалось нам проще, чем звонить, тем более что мы слышали внутри голос Элси Холланд.

Она говорила с мистером Симмингтоном, который, лежа в кресле, выглядел совершенно ошеломленным.

– Нет, в самом деле, мистер Симмингтон, вы должны проглотить хоть что-то. Вы ничего не ели утром, уж не говоря о настоящем, плотном завтраке, и вы ничего не ели вчера вечером, и из-за этого потрясения и всего остального вы сами заболаете, а вам понадобятся все ваши силы. Доктор тоже так говорил перед уходом.

Симмингтон ответил монотонным голосом:

– Вы очень добры, мисс Холланд, но...

– Выпейте горячего чая, – сказала Элси Холланд, настойчиво протягивая ему чашку с напитком.

Лично я дал бы бедняге крепкого виски с содовой. Он выглядел так, словно сильно нуждался в выпивке. Как бы то ни было, он согласился на чай и взглянул снизу на Элси Холланд.

– Я не в силах отблагодарить вас за все, что вы сделали и делаете, мисс Холланд. Вы действительно великолепны.

Девушка покраснела; она выглядела польщенной.

– Вы очень добры, говоря так, мистер Симмингтон. Вы должны мне позволить делать все, что я могу, чтобы помочь вам. Не беспокойтесь о детях – я за ними присмотрю, и я успокоила слуг, и если есть еще что-нибудь, что я могла бы сделать – отпечатать письмо или позвонить, – непременно скажите мне.

– Вы очень добры, – сказал Симмингтон.

Элси Холланд, обернувшись, заметила нас и торопливо вышла в холл.

– Разве это не ужасно? – сказала она чуть слышным шепотом.

Я, глядя на нее, подумал, что она и в самом деле очень милая девушка. Добрая, образованная, практичная в критической ситуации. Веки ее великолепных голубых глаз покраснели, подтверждая, что она настолько отзывчива, что проливает слезы из-за смерти хозяйки.

– Можем мы с вами поговорить минутку? – спросила Джоанна. – Мы не хотели бы беспокоить мистера Симмингтона.

Элси Холланд понимающе кивнула и повела нас в столовую, по другую сторону холла.

– Для него это ужасно, – сказала она. – Такое потрясение! Кто бы мог подумать о чем-либо подобном? Но, конечно, я теперь понимаю, что в последнее время миссис Симмингтон выглядела подозрительно. Ужасно нервная и слезливая. Я

думала, это из-за нездоровья, хотя доктор Гриффитс часто говорил, что у нее нет ничего серьезного. Но она была взвинченной и раздражительной, и в иные дни невозможно было понять, как с ней обращаться.

– Мы, собственно, зашли затем, – мягко перебила Элси Джоанна, – чтобы узнать, не можем ли мы пригласить к себе Меган на несколько дней – если, конечно, она этого захочет.

Элси Холланд выглядела сильно удивленной.

– Меган... – произнесла она с сомнением. – Не знаю, право. Я хочу сказать, это очень мило с вашей стороны, но она очень странная девочка. Никогда нельзя угадать, что она скажет или о чем она думает.

Джоанна сказала весьма нейтральным тоном:

– Мы подумали – а вдруг это как-то поможет?

– О, конечно, если она согласится. Я имею в виду, что мне надо смотреть за мальчиками (они сейчас с кухаркой) и за бедным мистером Симмингтоном – он нуждается в присмотре, как никто, – и столько всего нужно сделать и за стольким присмотреть! У меня действительно нет времени, чтобы уделить его Меган. Я думаю, она наверху, в старой детской. Она, похоже, никого не хочет видеть. Я не знаю, как...

Я быстро выскользнул из столовой и пошел по лестнице.

Старая детская была на верхнем этаже. Я открыл дверь и вошел. В комнатах нижнего этажа, выходящих окнами в сад за домом, шторы никогда не задергивали. Но в этой комнате, выходящей окнами на дорогу, шторы были благопристойным образом закрыты.

В тусклом сером полумраке я увидел Меган. Она скорчилась на диване, стоявшем у дальней стены, и я сразу вспомнил прячущихся испуганных зверюшек. Меган окаменела от страха.

– Меган! – окликнул ее я.

Я шагнул вперед, и совершенно бессознательно мой голос приобрел тот тон, которым говорят, желая успокоить напуганное животное. И я всерьез удивился тому, что у меня в руках нет морковки или кусочка сахара. Мои чувства требовали чего-то в этом роде.

Она пристально взглянула на меня, но не шевельнулась, и выражение ее лица не изменилось.

– Меган! – повторил я. – Джоанна и я интересуемся, не хотите ли вы побыть у нас немного.

Ее голос прозвучал глухо в мутных сумерках.

– Побывать у вас? В вашем доме?

– Да.

– Вы хотите сказать, что заберете меня отсюда?

– Да, моя дорогая.

Внезапно она задрожала. Это выглядело пугающе и очень трогательно.

– О, заберите меня отсюда! Пожалуйста, заберите! Это так ужасно – быть здесь и чувствовать себя злой!

Я подошел к ней, и ее руки вцепились в рукав моего плаща.

– Я трусиха. Я и не знала, что я такая трусиха.

– Все в порядке, малышка, – сказал я. – Такие события расшатывают нервы. Пойдемте.

– Мы можем уйти сейчас же? Немедленно?

– Конечно, только вы должны взять кое-какие вещи, я полагаю.

– Какие вещи? Почему?

– Дорогая девочка, – сказал я, – мы можем предоставить вам кровать, и ванну, и отдых ото всех этих дел, но будь я проклят, если я одолжу вам свою зубную щетку!

Она робко, чуть слышно хихикнула, будто всхлипнула.

– Я поняла. Я думаю, я очень глупая сегодня. Вы не должны обращать на это внимания. Я пойду и соберу вещи. Вы... вы не уйдете? Подождете меня?

– Я получу хорошую трепку, если не дождусь вас.

– Спасибо. Огромное вам спасибо! Извините, что я такая дурочка. Но это так страшно, когда мама умирает...

– Я знаю, – сказал я.

Я ласково похлопал ее по плечу, она одарила меня благодарным взглядом и исчезла в спальне. Я спустился вниз.

– Я нашел Меган, – сказал я. – Она собирается.

– О, как это хорошо! – воскликнула Элси Холланд. – Это отвлечет ее. Она действительно нервная девочка, вы знаете. Трудная. Для меня большое облегчение – знать, что нет необходимости помнить еще и о ней, как обо всем прочем. Вы очень добры, мисс Бартон, я надеюсь, она не доставит вам неприятностей. О боже, телефон! Я должна ответить. Мистер Симмингтон не в состоянии...

Она торопливо вышла из комнаты.

Джоанна сказала:

– Какой заботливый ангел!

– Ты говоришь слишком зло, – заметил я. – Она хорошая, добрая девушка и, конечно, очень чувствительная.

– Очень. И сама это знает.

– Это недостойно тебя, Джоанна, – сказал я.

– Хочешь сказать: почему бы ей не делать свое дело?

– Именно так.

– Я никогда не могла спокойно смотреть на самодовольных людей, – сказала Джоанна. – Они пробуждают во мне самые худшие инстинкты. Как тебе показалась Меган?

– Сжалась в комок в темной комнате и была похожа на побитую газель.

– Бедное дитя. Она сразу согласилась перебраться к нам?

– Она подпрыгнула от радости.

Глухие удары тяжелого предмета об пол и о стену донеслись из холла, возвещая о приближении Меган и ее чемодана. Я пошел навстречу девушке и забрал ее ношу.

Джоанна настойчиво произнесла мне в спину:

– Уходим! Я не в состоянии дважды отказываться от хорошей чашки горячего чая.

Мы вышли наружу. Меня раздражало то, что чемодан к машине вытащила Джоанна. Я уже мог передвигаться с помощью лишь одного костыля, но еще не был способен к атлетическим подвигам.

– Садитесь, – сказал я Меган.

Она забралась в машину, я – следом за ней. Джоанна завела мотор, и мы уехали.

Мы прибыли в «Литтл Фюрц» и вошли в гостиную.

Меган упала на стул и залилась слезами. Она плакала, как ребенок, – всхлипывала и редела во весь голос. Я вышел из комнаты в поисках лекарства. Когда дело касается чувствительных сцен, подумал я, от Джоанны проку больше, чем от меня.

Вскоре я услышал хриплый, задыхающийся голос Меган:

– Извините меня. Это выглядит по-идиотски.

Джоанна мягко успокаивала ее:

– Ничуть. Возьмите другой носовой платок.

Я пришел к выводу, что Меган нуждается совсем в иной поддержке. Я вернулся в комнату и протянул девушке наполненный до краев стакан.

– Что это?

– Коктейль.

– Коктейль? В самом деле? – Слезы Меган мгновенно высохли. – Я никогда не пила коктейлей.

– Всем нам приходится когда-то начинать, – сказал я.

Меган очень осторожно, маленькими глоточками попробовала напиток, потом лучезарная улыбка озарила ее лицо, она запрокинула голову и одним глотком проглотила все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://telnovel.com/agata-kristi/kanikuly-v-limstoke-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)